

Иван Дроздов

КАТЯ-ЛЁТЧИЦА

Издательство «Малыш» - 1973

Иван Дроздов

КАТЯ-ЛЁТЧИЦА

Рисунки
А. Гайлова

© Издательство
«МАЛЫШ»
1973

Н

евдалеке от станции Тихорецкая, в долине Старосунженского хребта, расположился полк ночных лёгких бомбардировщиков. Полк небольшой, самолёты все маленькие, фанерные, У-2 назывались. Прижались они к земле, точно пчёлки, и с воздуха их не увидишь, потому что самолёты под цвет травы выкрашены, а сверху маскировочной сеткой покрыты, тоже зелёной — хоть в бинокль разглядывай, ничего не видно.

Даже по тому времени кое-кому эти самолёты несерьёзными казались. А если к тому же ещё прибавить, что в полку служили одни девушки, то тут ясно станет, почему некоторые военные начальники неохотно давали важные задания маленьким самолётам. И даже в шутку называли фанерный самолёт не У-2, а МУ-2, намекая на маленькую скорость. А иные ещё обиднее его окрестили — «кукурузником»; это потому, что У-2, когда за ним гонялись быстроходные немецкие истребители, к самой земле прижимался, над кукурузой летал. А со стороны казалось, что он совсем в кукурузу забирался. Ну, тут, конечно, шуткам разным в адрес «кукурузника» не было конца.

Новый командующий армией тоже женскому полку важных заданий не давал.

— Конечно, конечно, — говорил генерал, стоя у фронтовой карты и почёсывая карандашом за ухом, — девушки у нас все хорошие, все на подбор, но... всё-таки девушки!

Разрешал он посылать их то почту развозить, то донесение важное доставить из одного штаба в другой.

Но однажды командующий сам пожаловал в женский авиационный полк.

Принял рапорт командира и стал обходить строй девушек. Ходит взад-вперёд и всматривается в лица. Любо ему и мило посмотреть на девчат в военной форме. У многих на гимнастёрках боевые награды — ордена и медали. Смотрит он, смотрит и видит знакомое лицо. Такое знакомое, такое родное, что сердце генерала радостно забилося. Смотрит он на девушку и ничего не говорит, и волнения своего не показывает, а только про себя думает: «Доченька моя, Катя — ты ли это?» А Катя тоже смотрит на генерала. И улыбается. На груди два ордена, в глазах слёзы — не может сдержаться от радости.

— Дочь моя! — заговорил генерал. — Да уж не во сне ли я тебя вижу?..

— Никак нет, товарищ генерал! Не во сне! — отвечает Катюша. А сама стоит смиренно, как и положено по уставу.

Отец протянул к ней руки, обнимает её, целует.

Строй тут весь нарушился, встали девушки полукругом, дивятся неожиданной встрече.

— Знал я, что ты авиацией увлекаешься, — говорит отец Кате, — что в аэроклуб на занятия ходишь, но что военной лётчицей станешь... Ну да ладно! Чему быть, того не миновать! Только что же ты отцу не написала? Скрывала, доченька. Покой мой берегла.

Так они и встретились — Катя-лётчица и генерал, командующий армией.

Повидал командующий боевых лётчиц и изменил своё отношение к полку маленьких самолётов, на которых летали девушки. Стал он посылать их на важные и опасные задания.

И однажды вот такая история вышла.

Вручили генералу секретный пакет. Прочёл он его и крепко задумался. Ходит по земляному полу фронтового блиндажа, на стену, где висит карта, поглядывает. То остановится, вздохнёт тяжко, скажет себе: «Вот задача!» Потом снова примется ходить. «Что же предпринять?..»

В секретном пакете сообщалось о готовящемся на его участке фронта большом наступлении противника. Разведка доносила: в станице Малиновка, на крутом правом берегу Дона, обосновался штаб новой немецкой армии. Командовать армией прислали старого немецкого генерала Рейнгольда. «Ох, уж этот мне Рейнгольд!» — говорил сам себе командующий. И вспоминал, как он с ним дрался

на других фронтах. Умный он был, этот самый генерал, а потому опасный противник...

Была поздняя ночь. К окнам блиндажа плотно подступила глухая осенняя темень. По углам тускло мерцали свечи, а за дверью слышался негромкий разговор адъютанта и дежурного офицера. Адъютант рассказывал дежурному, как генерал встретил в полку У-2 свою дочь.

Генерал услышал разговор, улыбнулся... Он подошёл к окну и посмотрел в ночь. Ему представилось, как из Германии к Дону бегут по железным дорогам поезда с танками и пушками, как фашистские дивизии рвутся к городу Ростову, к Северному Кавказу. А команды им поступают из Малиновки, от старого немецкого генерала Рейнгольда.

Долго думал командующий, и зародилась у него дерзкая мысль: «А что, если разгромить штаб новой фашистской армии?»

Генерал набрасывал на бумаге один план, другой, но находил их неразумными и рвал листы бумаги. Тут зашёл к нему полковник, его заместитель по авиационной части.

— А что, если задачу по уничтожению вражеского штаба в Малиновке поручить женскому авиационному полку? — посоветовал он командующему.

— Да там вокруг зенитные батареи стоят. Посылай на них хоть десяток самолётов, они все посбивают. Не хочу я такой ценой победу одерживать.

— Все-то посбивают, а У-2 пробьётся...

Катю разбудили ночью, во втором часу. Она явилась в штаб полка. Здесь командир, женщина-майор со звездой Героя Советского Союза на гимнастёрке, сказала:

— Любишь летать на бреющем над самой землёй?

— Так точно, товарищ майор, страсть, как люблю! — отвечает лётчица. А сама трёт кулачком глаза — не успела как следует пронуться.

— А ты сможешь над стволами вражеских зениток пролететь? Опасно, конечно, но в упор зенитки не могут стрелять, не успевают пушки за целью поворачивать.

— Понимаю вас, товарищ майор! — говорит Катя и смотрит на майора весело, задорно — пусть не думает, что Катя фашистов

боится. Ей не однажды приходилось «стричь» стволы фашистским зениткам. За то она и боевые награды носит.

А майор, подвинув к себе карту, сказала:

— Ну, так слушай боевое задание.

Весёлая песня пропеллера разорвала ночную тишину. Облака побежали навстречу крыльям. И таинственно-чудно поплыли внизу тени домов, деревьев, оврагов... Под крылом самолёта нет-нет да сверкнёт серебряной змейкой ручей или небольшая речка. Потом снова темень, чёрные облака да весёлая песня пропеллера.

Катя поёт:

Ты мне что-нибудь, родна-а-я,
На прощанье пожела-а-й...

Катя любит петь в воздухе. Она ещё когда училась в аэроклубе и поднялась в свой первый самостоятельный полёт, так сразу же запела песню. Летела над лесами, над реками и пела. Какие только знала песни, такие и пела. Ветер трепал её кудри, а она ему навстречу бросала песню — очень ей было хорошо, радостно.

Катя посмотрела на рычаг сбрасывания бомб, положила на него руку, примерилась. Этим рычагом она сбросит бомбы. «Только бы не сплеховать, попасть в цель. И ещё важно — подойти к цели незаметно, без шума...»

Небо стало светлеть; на кромках облаков появились красные полоски, а далеко-далеко, у самого горизонта, разлилась алая заря.

Как пчёлка перелетает с цветка на цветок, так двухкрылый Катин самолёт, пролетев одно облачко, устремлялся к другому...

Катя склонилась над ручкой управления, всматриваясь вдаль. Когда самолёт попадал в зону восходящего потока, она сбавляла газ, приглушала двигатель — самолёт тогда, как планёр, держался на тугой струе воздуха, поднимающегося с земли. А Кате того и надо — тихо подойти к своей цели. А цель — Малиновка.

К станции она подлетела с наветренной стороны. Ветер относил в сторону звуки мотора, ласковые тучки закрывали самолёт от взгляда часовых и дозорных. О зенитчиках Катя не думала, старалась не думать. Вот и Малиновка.

Катя перешла на бреющий полёт. Полетела низко-низко над лесом. Чёрные домики побежали двумя рядами по берегу Дона. Река за ними заблестела серебряной чешуёй. Катя свесила голову за

борт кабины, искала взглядом двухэтажную школу — вот она, квадратная, с двумя трубами... За ней совхозные бараки отсвечивают под лунной пепельно-серыми полосками шиферных крыш...

Катя убрала газ, приглушила шум мотора. Пропеллер зашелестел, захлюпал, точно его стали поливать водой. Катя спустилась ещё ниже. И, чтобы не потерять скорость, не упасть, она стала накренивать машину то на одно крыло, то на другое, скользя по воздуху, к макушкам деревьев. Правая рука до боли в пальцах сжимала

рычаг сбрасывания. Вот и момент настал: со свистом полетела первая бомба, за ней вторая... И в следующую минуту над крышей школы блеснул огонь, пламя...

Катя развернулась и — на бараки. Один загорелся, другой... Увидела, как изо всех дверей, из окон посыпались фашисты в одном белье. В школе располагался штаб армии и генерал Рейнгольд, в бараках — батальон охраны.

Хотела Катя ударить по фашистам из пулемёта, да видит: бегут со стороны Дона какие-то люди, стреляют по фашистам из автоматов, швыряют в них гранаты...

Включила на полный газ мотор, понеслась над крышами Малиновки. В этот момент ударили зенитки; они точно вдруг очнулись и давай палить изо всех стволов.

Катя то вправо увернётся, то влево — летит над самыми батареями. А они бьют и бьют — и всё мимо: не успевают прицелиться — быстро несётся самолёт. И Катя бы улетела невредимой, но на беду под самым крылом оказалась вражеская пушка. Видела лётчица, как с земли полоснуло лезвие огня, и в тот же момент мотор самолёта захлебнулся и машина, не успевшая набрать скорость, клюнула носом, повалилась на выступивший из темноты чёрной стеной лес.

Катя успела отвернуть машину от леса и зачертила колёсами по свежей осенней пашне. А когда крылья качнулись в последний раз, точно у живой птицы, и машина остановилась, Катя удивилась наступившей вдруг тишине.

Не торопилась выбраться из кабины, оглядела лес, погружённый в предрассветную тишину, пашню, окутанную мраком, и небо, по которому ползли тяжёлые облака, и лишь изредка в просветах между ними слабо и далеко поблёскивали звёзды.

Тянулись долгие минуты, тягостнее становилась тишина.

Лес был совсем близко. Катя различала стволы деревьев.

Услышала звон — далёкий и чистый... Лётчица долго не могла понять, что это за звон раздаётся в воздухе, почему он не нарушает тишины, а лишь усиливает её тягость. Потом поняла: это звенит у неё в ушах. И обрадовалась неожиданному открытию. Словно бы очнувшись от минутного раздумья, быстро отстегнула ремни парашюта, стала вылезать из кабины. Она уже ступила на землю и направилась к лесу, но как раз в этот момент из тёмной чащобы, словно гром с ясного неба, раздался голос:

— Дяденька, ты чей?

Катя не сразу поняла, что этот голос принадлежит мальчику; она не ожидала и потому сильно испугалась. Выхватила из кобуры пистолет, спросила:

— Кто тут?

Из леса вышел мальчик. Он казался маленьким и ненастоящим. Из одежды одна только большая шапка различалась на голове.

— А ты разве тётя? — спросил мальчуган. — Ты лётчица?

Катя теперь уже не боялась таинственного незнакомца, но на всякий случай схоронилась за толстое дерево, и из-за него вела беседу с невесть как очутившимся здесь мальчиком.

— Ты кто такой? Подойди ко мне ближе.

Раздался шорох ветвей, и на этот раз тишину разрубил басовитый простуженный голос мужчины:

— Эй, лётчик, ходи сюда! Свои мы, партизаны!

На опушку леса вышел человек с автоматом, встал рядом с мальчиком. Но Катя продолжала держать пистолет в руке, не торопилась доверяться незнакомцам. Тревожило её сомнение: «А вдруг не партизаны?» И взрослый, видимо, понял её тревогу, сказал:

— Да ты, я вижу, боишься нас. Ну да леший с тобой! Вот тебе мальчонка. Он тебя проводит до штабной землянки, а я пошёл, мне теперь недосуг. — Он вразвалку, точно медведь, двинулся через пашню в сторону поднимавшегося над Малиновкой пожара. Там раздавались выстрелы, рвались гранаты.

— Что происходит в станице? — спросила Катя, подойдя к мальчику и тронув его за рукав.

— Там бой, — важно сказал мальчик, — партизаны штаб разбили, они генерала живьём ловят. Такая телеграмма из Москвы была. Прилетит самолёт, сбросит бомбы, а нам — добавить. — И, поправив шапку-ушанку, видимо, отцовскую, паренёк авторитетно заявил: — А это вы, тётя, бомбы бросали?

— Я бомбила, да вот, видишь, меня тоже подшибли.

Катя показала на самолёт.

— Не горюйте, тётя. У нас в отряде есть самолётный механик, он вам живо мотор наладит.

Мальчик шёл впереди, говорил с Катей так, будто они давно знакомы.

С минуту погода, он важно заметил:

— Мы знали, что вы прилетите. Нам по радио сообщили. И вы точно по приказу прилетели. Как сказано было: на рассвете.

Катя про себя решила: умные люди разработали операцию по уничтожению штаба. Всё до мелочей расписали по минутам.

Продирались по чащобе леса: мальчик шагал уверенно и продви-

гался быстро, а Катя несколько отставала: то планшетом зацепится за сучья, то в кустарнике застрянет.

— Да ты потише, а то я потеряюсь, — взмолилась, улыбаясь, Катя. И затем спросила: — Скажи-ка мне, пожалуйста, если это не секрет, как тебя зовут и чей ты будешь такой?

— Василь Бурмистров. Мой папа на фронте бьёт фашистов, а мы вот тут с сестрой — Пеной.

— Бурмистров? Грозная у тебя фамилия. Да ты, я погляжу, и сам парень серьёзный.

Катя положила ему руку на плечо и пошла рядом. Ей хотелось сказать юному бойцу какие-то важные слова, но она боялась лаской, участием обидеть бойцовское самолюбие Василька. Мальчик же, потупив голову, молчал.

— А Лена где? Она тоже с тобой в отряде?

— Лена — командир группы. Она там... — Василёк показал рукой в сторону Малиновки. И совсем как взрослый добавил:

— Быстрее пойдёмте. Мне приказано вас в штаб доставить.

Они шли долго, может, полчаса, а может, целый час. Катя дивилась проворству Василька, идущего впереди, — он шёл как большой, а когда Катя отставала, оборачивался, поджидал свою спутницу.

Когда они подошли к одной из палаток, раскинувшихся на небольшой поляне в лесу, Василёк тихо, словно опасаясь кого-то, сказал:

— Вот наш лагерь. А здесь — штаб!

Они вошли в палатку, Василёк стал растапливать стоявшую в углу чугунную печурку. Катя присела, чутко прислушиваясь к шорохам, доносившимся из леса.

— Что ж у вас охраны нет? — спросила она.

— Была охрана, да все ушли на операцию, — заговорил Василёк. — Слышите... Стрельба. Это в Малиновке... бой идёт.

Вася опустил к ногам поленце, задумался. Он сидел на пеньке перед раскрытой печуркой. Свет от огня золотил его тёмные влажно блестящие глаза. Временами он тяжко вздыхал и поворачивался к двери, словно бы ожидая кого-то.

— Ты чего это, Вася? — подошла к нему лётчица. Сняла с него старую отцовскую ушанку, ласково пригладила льняные свалявшиеся волосы. Василёк прильнул к ней, зажмурил глаза.

Василёк беспокоился за сестру, Катя поняла его тревогу.

За лесом глухо раздавалась стрельба. Бой в Малиновке продолжался. Сражалась там в бою и Лена Бурмистрова. За неё тревожился Василёк. Не было у него матери, где-то далеко на фронте воевал отец. А вдруг как с ней беда приключилась?..

— Ну, ну, не вешай носа. Ты же партизан...

— На улицу выйду! — встрепенулся Вася. И выбежал из палатки. За ним Катя. Смотрят они в сторону, туда, где на крутом берегу Дона стоит Малиновка. Но за деревьями ничего не видно. И зарева от пожара нет. Может, погас огонь над школой и бараками?.. Может, и бой уже прекратился?..

Василёк остался снаружи сторожить, а Катя вошла в палатку, села на пенёк, привалилась к деревянной стойке. И уставшая в боевых полётах, много ночей недосыпавшая, задремала Катя-лётчица. Увидела она во сне станицу Малиновку — точь-в-точь, как та деревушка под Москвой, в которой Катя перед самой войной вместе с родителями отдыхала. В белом вишнёвом цвету стоят ряды знакомых домов. Солнце на небе жаркое. А Катя с Леной — они будто бы подруги — бегут по зелёному лугу к Дону. И как только добегают до края высокого берега, так Лена снимает с себя

платье, бросается с обрыва в Дон. А вода в Дону кружится, бурлит, но только Лена ничего не боится. Брызнул фонтан над её головой, и скрылась Лена под тёмными кругами воды. Катя в страхе отступает от обрыва, отворачивает взгляд от воды. Хочется ей вслед за Леной броситься с обрыва, но она не может победить страх, не может, шепчет Катя пересохшими губами: «Трусиха, трусиха...» И хочется ей плакать от обиды, хочется бежать куда-то, бежать...

— Простите, — раздаётся над ней голос, — не хотелось бы вас будить, да нужно.

Катя просыпается и видит перед собою юное красивое лицо девушки. Слышит её голос:

— Вы не знаете, куда девался Василёк?

— Ах, да, конечно, знаю. Василёк был со мной. Я только на минуту задремала.

В палатке и вокруг палатки — народ. Два старика привезли на подводе оружие, трофеи. Партизаны сносят его в палатку, бросают в угол. Кто-то предостерегает: «Патроны вынимайте, чтоб разряжено было!»

А возле палатки в людской толчее раздаётся мужской голос:

— Парень-то наш где? На часах стоял..

Катя выбежала из палатки, а за ней и Лена. «Вася! Василёк!..»

В ответ из леса послышался слабый стон. Засветили фонарь, побежали в чащу леса. Вот он — лежит, раскинув руки, изо рта по щеке течёт тоненькая струйка крови. И пистолет рядом — стрелял в кого-то.

— Вася, что с тобой? Ты ранен! — склонилась над ним сестра.

Он показал в сторону кустов орешника и едва слышно проговорил: «Там!» Партизаны бросились в орешник. И с ними Катя. Тут они увидели два трупа — длинный и худой в коротких сапогах немец и староста малиновский, фашистский прислужник. Оба они крались

к лагерю партизан, но Василёк вовремя их заметил и из своего пистолета уложил наповал. Однако и они успели пальнуть в парня.

Василька перенесли в палатку, и фельдшер, осмотревший рану, сказал:

— Пуля застряла в груди, нужна срочная операция.

Лена к Кате с мольбой о помощи:

— Что с вашим самолётом? Может, починить можно? Василька бы доставить на партизанскую базу. Там хирург есть.

Тут и бывший механик по самолётам рядом.

— Попробуем? — сказала ему Катя.

Они побежали к самолёту. Раскрыли под мотором капот. Лётчица светила фонарём, а механик осматривал машину.

— Бензотрубу осколком снаряда перебило! — радостно закричал механик. — Пустяк дело! Мы сейчас, сей момент!..

Механик быстро починил трубку, и партизаны выкатили самолёт на ровную площадку. И хотя был ещё полумрак и площадка перед самолётом просматривалась плохо, Катя смело пошла на взлёт. Через минуту взяла курс на партизанскую базу. Вместе с Васильком, держа его на коленях, сидел во второй кабине партизан — авиационный механик, он и показывал Кате путь к большому лесному массиву недалеко от Дона, где располагался штаб партизанского соединения.

На опушке леса возле штаба она приземлилась, а через час Васильку уже сделали операцию, и доктор сказал: «Ничего опасного. Будет жить!»

Катя хотела по радио сообщить об этом Лене Бурмистровой, но партизанский командир передал лётчице радиogramму:

«Довольны вашей работой. На обратном пути сделайте посадку в районе Малиновки, захватите важный груз».

Подпись командира полка.

Опасно было лететь на рассвете в то же место, где её только что подбили, но приказ есть приказ. К тому же Катя была рада снова встретить Лену Бурмистрову и рассказать ей о самочувствии Василька, о том, как проходила операция и как доктор сказал: «Ничего опасного. Будет жить!»

В полёте она думала: «Что за важный груз ожидает меня у партизан?.. Почему раньше ничего не сказала о нём Лена Бурмистрова?»

Кате было хорошо и весело. Тревога за Василька свалилась точно камень с плеч. Он поправится, он будет жить. И задание она своё выполнила. И как будто не было бессонных ночей, не чувствует она усталости...

Но что это впереди полыхает розовым пожаром? Небо сделалось далёким и синим!..

Догадалась Катя: да ведь это же солнце всходит. И песня замерла у нее на устах. Чёрной змеей заворочилась в сердце тревога. Если ночью фашисты встретили самолёт таким огнём, то что же её ожидает теперь?..

Катя накренила самолёт, стала, как с горки, валиться вниз. Засвистел ветер под ударами пропеллера, задрожали, запели на все голоса крылья. Скорее бы к лесу—там, над верхушками деревьев, безопаснее. Там не заметят её немецкие зенитчики.

Катя летит над лесом, летит так низко, что крыльями едва не задевает верхушек деревьев. Фашистские артиллеристы слышат рокот пропеллера, но самолёта не видят. Бьют из своих пушек наобум, палят во все стороны. Катя видит, как высоко в небе рвутся зенитные снаряды, и смеётся над фашистами: «Вот дурни, не видят, что я у них перед носом лечу». И только перед тем, как ей надо было Дон перелететь, страшновато стало лётчице, сердце её захолонуло. Но мужество не покинуло девушку. Ещё крепче сжала ручку управления Катюша. И газу прибавила. Как метеор, перелетела открытое место над рекой, снова затерялась в кроне деревьев. Оглянулась назад, видит, в том месте, где она только что летела, воздух кипит белыми разрывами. Опаздывают немцы со стрельбой, никак не успеют за Катей.

На посадочной площадке Катю ждали партизаны. Знаками показали: не выключай мотор, не выходи из кабины. Пена поднялась на крыло, обняла Катюшу, сказала:

— Торопись!..

Сунули в заднюю кабину какой-то мешок, привязали его к сиденью и махнули рукой: «Трогай!»

Домой Катя летела по новому курсу. Но и здесь её подстерегали зенитки. Как только миновала она лес и вырвалась на простор, так и попала под прицелы вражеских наводчиков. Ударили они во все стволы—с одного берега, с другого, из-за леса, из-за деревьев... Словно град, полетели со всех сторон осколки! А Катя и тут нашлась: прижалась она к воде и летит над Доном, точно это и не самолёт, а быстроходный катер с пропеллером. Немецкие артиллеристы никак не могут стволы так низко опустить, чтобы краснозвёздную машину достать: лупят по верху, а в цель не попадают. Снова смеётся Катя над фашистами, очень задорно ей зенитчиков дурачить.

Летела она над Доном и увидела впереди переправу. Смекнула, что справа и слева от переправы могут у противника пулемёты зенитные стоять, а от них не спрячешься, они и по низу могут бить.

И стала подниматься вверх наша Катя. А тут, наверху, снаряды один за другим разорвались, увидели, значит, её наводчики, вдогонку огонь открыли. То справа ударят, то слева, а Катя летит. Страшновато ей, конечно, под огнём лететь, но выдержки она не теряет. И вправо самолёт увернёт, и влево, но снаряды ближе, ближе... Слышит Катя, что-то в бок её толкнуло и дышать стало трудно, однако, с курса не сошла, продолжала лететь. Скоро разрывы от неё потстали, переправа осталась далеко позади, но боль не проходила. Что-то пекло в боку, словно горячий железный лист к телу приложили. Под меховой курткой мокро стало. Липко и мокро... Поняла Катя: кровы! И тогда она крепко сжала ручку управления, сказала себе: лететь, лететь!

Не помнила Катя, как пересекла линию фронта, как вначале один лесной массив проплыл внизу зелёным озером, затем второй... Серебряной змейкой в правой стороне мелькнула железная дорога.

Потом, пересекая другую дорогу, вспомнила: скоро аэродром... На посадку надр...

Голова у неё кружилась. Дышать было тяжело, больно. Пекло теперь не один бок, а весь живот и грудь. Губы у неё пересохли, в глазах стал появляться туман; она временами долго не могла рассмотреть стрелку прибора. Но чем тяжелее ей было дышать, тем крепче она сжимала ручку управления и шептала пересохшими губами: «Надо долететь... Долететь!»

У неё не было сил оглянуться назад, но Катя знала: мешок в задней кабине цел и в нём, наверное, секретные документы.

Были моменты, когда сознание покидало Катю, иногда ей казалось, что самолёт валится вниз и вот-вот ударится о землю. А то вдруг чудилось, что и самолёт, и она сама кружатся в воздухе, как пушинки, летят куда-то, а куда — неизвестно.

Впереди, за козырьком кабины, голубел край неба. У горизонта

пенились облака. А по ним, высоко закинув белопенную гриву, бежал белый конь. Он едва касался копытами облаков, а то и вовсе отрывался от них и летел в небе, точно птица. И сверкал звёздами-очами, звал, манил к себе Като...

Потом наступила минута, когда сознание Кати прояснилось. Она тогда зорко смотрела на приборы. И вспомнила, как в детстве, когда ей было года четыре, она с отцом гуляла по берегу реки и на другой стороне её, на зелёном лугу, увидела белую лошадь. Катя потянулась к ней, сказала отцу: «Поймай, я на ней покатаюсь...» «Ты ещё мала, Катенька,—сказал ей тогда отец.—Вот подрасти немного, тогда я покатаю тебя на белом коне».

Аэродром увидела неожиданно. Летела, летела и вдруг—сигнальные знаки, посадочная полоса! Машина с радиостанцией на краю поля. Два домика у опушки невысокого редкого леса—штаб попка и столовая. Там, наверное, сейчас завтрак...

Плавню подвела машину к земле... Застучали колёса, затряслись крылья. «Ну вот,—сказала себе Катя,—я и дома». Она слышала чьи-то голоса, кто-то подхватил её на руки... Потом она услышала стон—слабый и жалобный. Подумала: «А ведь это, наверное, я застонала. Зачем?..»

Катя лежала в санчасти. Полковой врач перевязывал ей раны. А когда медсестра сделала ей укол, то в голове у Кати зашумело и она почувствовала, как возвращаются к ней силы.

— Доктор,—проговорила Катя,—я хочу... несколько слов... папе...

Доктор улыбнулся, достал из кармана записную книжку. Катя стала ему диктовать—говорила так, будто отец рядом и хорошо её слышит. «Папа, я немного сплеховала и чуть было не попала в беду. Ну, ничего, мне теперь хорошо, и я скоро поправлюсь. Ты ничего не пиши маме. У неё болит сердце, и ей нельзя волноваться. А ещё я хотела спросить: помнишь, когда я была маленькой, ты обещал покатавать меня на белом коне... Не забыл ли?..»

Катя ещё хотела что-то сказать, но силы её оставили. Её укутали в тёплые одеяла и, как младенца, понесли к санитарной машине.

Лётчицу увозили в полевой госпиталь.

Под утро задремал командующий в старом кресле у фронтовой карты. И приснился ему зелёный луг, река. И жена его, молодая, красивая, идёт с коромыслом за водой к реке. А рядом с ней

дочка Катя, как цветочек нарядная. И весёлая, как колокольчик. Катя смотрит в небо — там самолёт рокочет на всю округу. «Мама, мамочка!.. Посмотри, самолёт летит!..» Девочка бежит по мокрому песочку, шлёпает ножками, звенит: «Я тоже буду лётчицей! Тоже буду лётчицей!»

А то вдруг очнётся генерал, вспомнит, где сейчас его Катя. И вызовет адъютанта, спросит у него: «Нет ли вестей от авиаторов?» И в ответ слышит неизменное: «Нет, товарищ генерал».

Но вот к нему пришёл офицер, подал пакет из полка.

Быстро пробежал скудные строчки докладной записки командира полка: «Задание штаба армии выполнено... Лётчица ранена...»

Потом читал и перечитывал письмо дочери: «...Мне теперь хорошо... я скоро поправлюсь».

— Ах, дочка, дочка... И тебя война не пощадила.

Рядом стоял адъютант, ждал распоряжений.

— Вы нездоровы, товарищ генерал?— встревожился офицер.

Генерал глухо, не своим голосом, ответил:

— Нет-нет, ничего.

Вошёл начальник штаба, доложил:

— Фон Рейнгольд доставлен в штаб армии.

— Пусть он войдёт,— сказал командующий. И тяжело поднялся, встал прямо, как на смотру. И когда ввели немца, показал ему на стул у окна.

— Садитесь, генерал.

И прежде чем приступить к допросу фашистского генерала, старый воин с минуту стоял у окна. Он смотрел в ту сторону, где у самого горизонта чернел лес, а по синему ясному небу, словно лебеди, летели облака. «Там запад, там Германия», — подумал командующий, и представилось ему, как идут по всему фронту в наступление наши полки и дивизии.

Чудился ему могучий рокот самолёта... И разрывы бомб... И Катя, его смелая, ненаглядная Катя, продолжала поединок с врагом.

